

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Нотная рукопись
неизвестного
произведения Глинки
была подарена
в качестве талисмана,
но приносила лишь
несчастье...

Людмила ГОРЕЛИК

**Потерянная
рукопись Глинки**

Людмила Львовна Горелик

Потерянная рукопись Глинки

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67607625
Потерянная рукопись Глинки: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-168521-8

Аннотация

Много лет назад известный композитор Михаил Глинка написал чудесное музыкальное произведение, но оглашать его не стал. Он подарил нотную запись своему бывшему крепостному в качестве талисмана...

Спустя два века у Елены Шварц погибла подопечная – внучка ее покойной подруги Даша. В крови девушки обнаружили клофелин, но сама Даша его принять не могла, так как знала о проблемах с сердцем. И хотя на первый взгляд убивать ее было не за что, Елену настораживает, что перед смертью ее подопечная искала какие-то ноты...

Артефакт & Детектив – это серия для читателей с тонким вкусом. Загадки истории, роковые предметы искусства, блестящая современная интрига на фоне изысканных декораций старины. Сюжет основан на поисках древнего артефакта. Артефакт – вне времени, и кто знает, утихнут ли страсти по нему в новом столетии?!

Содержание

Пролог. Манускрипт деда Матвея	5
Глава 1. В гостях у родственников Ушаковых	18
Глава 2. Даша, Нинкина внучка	25
Глава 3. Судьбоносное знакомство: Мария Петровна Иванова	31
Глава 4. Сэнсэй что-то знает?	41
Глава 5. «...Уж не Глинка, а фарфор»	46
Глава 6. Как лист перед травой!	51
Глава 7. Разочарование	57
Глава 8. Станислав Зайцев. Технологии будущего	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Людмила Львовна Горелик

Потерянная рукопись Глинки

© Горелик Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!*

А.С. Пушкин

Пролог. Манускрипт деда Матвея

Удар при работе на пишущей машинке «Украина» должен быть сильным. Это большая, тяжелая машинка, исключительно для учреждений. Вера от нее уставала: печатать много приходилось. Она уже второй год работала в лаборатории по внедрению новых технологий. После окончания института найти место учителя русского языка и литературы в городской школе не получилось. Хорошо, что лаборанткой в НИИ взяли. НИИ было физико-техническое, с ее специальностью – только лаборанткой, конечно, и то по благу. Зарплата 70 р. Ну да ладно, Вера по вечерам еще на курсах литературу абитуриентам преподавала. Тема физиков-лириков, поднятая лет десять назад, в шестидесятые, наиболее полно была сформулирована известным поэтом тогда же: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...» В 1973 году, когда Вера поступила на работу в НИИ, тема продолжала оставаться модной, развиваясь в ту же сторону. В НИИ вокруг Веры были сплошные физики – веселые, востребованные, все успевающие, – многие из них, кстати, не только физикой, но и поэзией увлекались.

Вера на физиков посматривала с интересом, но все ж она в НИИ мало кого знала; печатала на машинке в своей лаборатории, редко оттуда выходила. У них было спокойно. Завлаб Николай Евстигнеевич заходил в комнату, где сидели

сотрудники, редко. Он был кандидатом технических наук, имел репутацию прекрасного организатора, занимал в НИИ несколько руководящих должностей и работал, естественно, в своем кабинете. В лаборатории у него в подчинении находились шесть человек. Трое серьезных мужчин, имеющих специальное образование, писали кандидатские по близким к тематике лаборатории проблемам. Они числились старшими научными сотрудниками (с. н. с.). Женщин было тоже три. Две из них – Саша Авхимович и Екатерина Безбородько – учились заочно в Смоленском филиале Московского энергетического института, обе на пятом курсе. Они были младшие научные сотрудницы (м. н. с.), на них держалась техническая часть работы: ездили по районным предприятиям Смоленской области, внедряли разработанные старшими научными сотрудниками технологии. А Вера была всем им в помощь: преимущественно на машинке печатала и документы оформляла.

С. н. с. сидели в лаборатории не всегда. Не каждый день приходили. Им было разрешено. А м. н. с. и лаборантка каждый день здесь торчали. Девушки были примерно одного возраста и быстро сдружились. Саша и Вера еще не имели семьи, а у Кати был муж, тоже студент-заочник, и пятилетний сын Алеша. Трем «деукам», как называл их начальник Николай Евстигнеевич, было от двадцати трех (Вера) до двадцати шести (Катя) лет, но почему-то у них в головах все еще гулял ветер. Например, они вполне по-студенчески иногда сбегали

ли с работы в кино. Зато если начальник просил, они могли и в субботу-воскресенье прийти работать. Такое случалось частенько: выдающийся организатор Николай Евстигнеевич любил устраивать авралы. Зайдя в лабораторию и усевшись за свой огромный «стол руководителя» (двухтумбовый этот стол стоял посреди лаборатории совершенно пустой, и никто его в отсутствие шефа не трогал), он хмурил густые брови, оглядывал сотрудниц печально, подпирал рукою щеку и, выдержав в таком задумчивом виде должную паузу, наконец говорил:

– Деуки, забота у меня, не знаю, что и делать.

Сотрудницы сочувственно смотрели на него, ели глазами, готовые на все, чтобы помочь, – так его было жалко.

– Срочно надо статью напечатать. Чтоб была готова в понедельник с утра. Сделаешь, Вера?

– Конечно, Николай Евстигнеевич! Это ничего, что сейчас вечер пятницы, я приду в субботу, а если надо, то и в воскресенье! – радостно (что сможет помочь) восклицала Вера.

– И я тоже приду, подиктую тебе, чтоб быстрее! – подхватывала Саша.

– Ну вот и хорошо! – поднимался с кресла начальник. – А то сдать надо быстро. Бекицер! – И он подмигивал Вере.

– Что он сказал? – спрашивала Вера у Саши, когда за начальником закрывалась дверь.

– Что быстро нужно! – отвечала та.

– А в конце что он сказал? Бекицер? Это что?

– Это по-еврейски значит «быстрее», – поясняла Катя. И Вера Фогельсон пристыженно замолкала: как нехорошо, ведь она наполовину еврейка, это ей Николай Евстигнеевич и сказал – а она не понимает даже того, что другие знают. Как ей стыдно должно быть!

Вот и в эту пятницу шеф заглянул в лабораторию сразу после обеда. Три девушки переглянулись: повезло, что они здесь, не сбежали еще! Они сегодня собирались уйти пораньше – посмотреть новый фильм про Фантомаса, однако замешкались – и как кстати!

– Деуки! – сказал шеф, усевшись за свой огромный стол. – Деуки, в командировку с утра в понедельник поедете.

К Вере это не относилось: в командировки ездили научные сотрудники.

– Ты поедешь в Сафоново, в шахтоуправление, там забереешь документы, описывающие, как внедряется технология, что Селиверстов разрабатывал. Я им звонил, они знают, – это он говорил Саше. – А ты, – он повернулся к Екатерине, – съезди в Шаталово, на аэродром. Там узнаешь, как используется наше усовершенствование при заливке бензина – то, что Туров предложил. И тоже документы возьми. Я с главным инженером говорил, он должен подготовить. К нему сразу и иди.

Саша и Катя кивали, записывали. Командировки были несложными, они случались не слишком часто и даже разнообразили службу.

А Вера, услышав про Шаталово, тоже встрепенулась. Ее любимая бабушка была родом из Шаталова.

Бабушка уехала из родного села очень давно, еще до революции – ее в семь лет отдали в город, в ученицы к портному. А вот ее сестра тетя Феня покинула Шаталово только после войны. Тетя Феня часто туда ездила, рассказывала потом бабушке. Там из родственников оставался дед Матвей, младший брат их отца, Вериного прадедушки. В детстве Веру более всего занимало то, что дед Матвей умеет плести лапти.

– Вот сплетет тебе дед Матвей лапотки! – умиленно говорила тетя Феня. – Маленькие, на твою ногу, с завязочками. До колен такие завязочки делают у лапотков!

Вере идея завязочек не очень нравилась.

– А нельзя, чтоб с пряжечками? – спрашивала она серьезно.

– Можно! – охотно соглашалась тетя Феня. – Сплетет тебе дедушка Матвей с пряжечками.

Лапотков Вера не дождалась, деда Матвея никогда не видела. В Шаталове она не бывала, но, повзрослев, все думала когда-нибудь съездить – пока дед Матвей жив, все ж ему уже много лет. И вот сейчас Катька поедет в Шаталово...

– Николай Евстигнеевич, – обратилась к начальнику Вера. – А нельзя мне тоже с Катей съездить? Я помогу сборники довести, вдвоем-то мы больше сборников сумеем взять – в Шаталове вон какой большой аэродром, пусть читают!

Сборники «Проблемы внедрения новых технологий» ла-

боратория выпускала каждый год; печатать статьи на машинке, а потом паковать книги и носить их на почту рассылать – была основная Верина работа. Шеф очень ревниво относился к сборникам: их продавали предприятиям за деньги. М. н. с., когда ездили в районы по другим делам, обязательно и сборники тоже развозили.

Сейчас он на минуту задумался. Маленькие острые глазки приобрели особо умное выражение, утратив на миг добродушную хитрецу.

– А что ж! – сказал он после недолгой паузы. – И съезди! Тут все равно тебе в понедельник делать нечего. – Лицо его уже приняло обычное выражение. – Съезди, деука! Довезете вдвоем двадцать штук? Да что вам – молодые, здоровые! Деуки у меня огонь! Ты упакуй получше, – он опять уже к одной Вере обращался, – упакуй и новую накладную сделай – пусть за двадцать перечисляют. Если что, скажите, ничего, мол, не знаем. Сколько велели, столько и привезли, пусть за двадцать расписываются. Не назад же нам везти, скажите!

Бабушка к известию о Вериной командировке в Шаталово отнеслась практически равнодушно.

– Давно я там не была... – сказала она. – Ну, съезди, посмотри на нашу родину... Тем более Фенька говорила, что плох уже дед Матвей... Зайди обязательно к нему, привет передавай им с Прасковьей от меня – от Нюрки, скажи, привет.

Дед Матвей оставался в Шаталове с женой Прасковьей,

их единственная дочь Надя давно вышла замуж за летчика и уехала на Дальний Восток.

В воскресенье Вера сходила и к тете Фене, сообщила новость о поездке. Тетя Феня проявила больший, чем бабушка, интерес, обрадовалась даже.

– Как раз отвезешь деду «подорожник», – сказала она. – А то я уж думала, как передать. Прасковья «подорожник» просила: помрет скоро дед, а у них там не купишь.

– Какой подорожник? – не поняла Вера.

– Ну, «подорожник»... Его в гроб кладут, на лоб покойнику. В соборе я купила для деда Матвея. Тоже не всегда есть, но я купила. Только ты ж смотри ему не говори и не показывай. Отдашь потихоньку Прасковье – и все.

И она достала из комода узкую черную ленту с золотой надписью.

Так Вера и поехала в Шаталово – со сборниками и «подорожником».

– На аэродроме девушки справились быстро. Документация к их приезду уже была оформлена, а лишние сборники приняли на удивление спокойно. Главбух, правда, ехидно посмотрела на главного инженера и покачала головой.

– Ну ладно, деньги там небольшие, с нас не убудет, – примирительно сказал тот.

Дом деда Матвея тоже нашли легко, им сразу показали, куда идти, да и тетя Феня рассказывала, как добраться от аэродрома. Немного помедлили возле входа с большую из-

бу, собранную, видимо, еще до революции из мощных бревен, теперь посеревших от бесчисленных снегов и дождей. Вера постучалась. Ответили не сразу, только когда постучалась в третий раз.

– Да... Входите, открыто там, – донесся слабый голос. И Вера с Катей вошли.

Изба представляла собой одну большую комнату с печкой посередине, с покрытым клеенкой столом у одной стены и с кроватью у другой. В углу висели три иконы – одна большая, Казанской Божьей Матери, и две поменьше. Из них одну Вера не знала, не поняла, что за икона, а на другой был Николай Чудотворец. На расстеленной кровати, укрытый одеялом с пододеяльником, лежал старик. Но какой это был старик! Вера про таких только в книжках читала. Ни до, ни после она такого лица в жизни не видела. Может, только на картинах старых?

У деда было вроде и обычное лицо с выцветшими голубыми глазами, с правильными чертами, с небольшой седой бородкой... Удивительным было его выражение. Необыкновенный покой, смирение и благожелательность ко всему миру – к пришедшим неизвестно откуда посетительницам в том числе – выражало это лицо. Не только Вера, но и всегда бойкая Катя растерялась, остановилась молча посреди избы при виде лежащего на постели старика. Катя все же первой пришла в себя.

– Здравствуйте! – сказала она. – Вас дедушка Матвей зо-

вут? А мы к вам... К вашей жене, точнее... Вот Вера – родственница...

И Вера, выйдя из ступора, робко кивнула:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответил старик. И с тем же ясным выражением лица («Как из другого мира смотрит», – подумала Вера) приветливо добавил: – Да, Матвей. Болею я, не встаю. Хозяйка моя в огороде, сходите туда за ней.

Девушки гуськом вышли в сени и оттуда толкнули другую дверь, не ту, в которую входили. Вышли действительно в огород, довольно большой. Хозяйка была там. Стоял сентябрь, и она выдергивала из земли свеклу, складывала в кучу.

При виде гостей она разогнулась, оказавшись высокой, нескладной, сильно сутулой старухой в темной одежде и в темном фартуке поверх фуфайки.

Вера, поздоровавшись, представилась, объяснила, кто она такая. От смущения сразу же стала не только передавать приветы, но и про «подорожник» сказала.

Тут старуха разволновалась, спросила испуганно:

– Вы его деду не показывали?

– Нет, что вы! – хором ответили девушки (Катя тоже подключилась). – Мы не показывали, конечно, и не говорили ему ничего! Мы сразу к вам в огород пошли.

Старуха вздохнула с облегчением, потом пояснила:

– Дед давно плоховат, все ж скоро девяносто, я и заказала «подорожник». А позавчера он лег, сказал, что помирать

будет. И не отговоришь его. Спасибо Фене передайте за «подорожник», у нас не купишь. Ты мне его незаметно отдай, чтоб он не увидел. Лучше не в избе. В сени выйдем, там и отдашь. – Последние фразы были обращены к Вере. Потом женщина опять повернулась к обеим: – Пойдемте в хату, пообедаем, вы проголодались, наверно. – И, запнувшись, опять в волнении добавила: – Только не говорите ж про «подорожник» при нем!

Катя и Вера к тому времени и впрямь проголодались. Блюда к обеду были поданы самые простые и при этом необыкновенно вкусные. Щи, тушеную картошку (и то и другое в чугунных котелках) Прасковья достала из глубин русской печки огромным ухватом. Огурцы (соленые и свежие) выложила на одну большую тарелку – полтарелки соленых, полтарелки свежих, каждый огурец разрезан пополам. За едой вспоминали родственников – Верину бабушку Аню и ее сестру тетю Феню. Вера от вкусной еды раздумянулась и совсем разошлась, свободно себя почувствовала.

– Бабушка с тетей Феней совсем не похожи! – рассказывала она. – Я уж не говорю про характер (бабушка взрывная, прямолинейная, а тетя Феня себе на уме), но и внешне. У бабушки волосы до сих пор как смоль – гладкие, блестящие, а тетя Феня полуседая, конечно, но и в молодости русые у нее были волосы, это еще видно. У бабушки и брови черные, тонкие, глаза, конечно, голубые, как у тети Фени... Но у тети Фени мягче черты лица... Тоже красивая, вообще-то.

– Да, Нюра, конечно, красавица редкая была, – поддакивала хозяйка. – А что не похожи, понятно: Феня в мать пошла, в Матрену, а Нюра в отца, то есть в брата Матвеева Василия, прадеда твоего, – тот тоже чернявый был. Ну вылитый цыган! Василий в сорок шестом умер. Оккупацию с нами пережил – по возрасту в армию не годился, старый уже был. А и то чуть не погиб. Немцы однажды его схватили на улице – «юда, юда» лопочут, в комендатуру потащили... Хорошо, наши деревенские увидели, что его тащат, старосту позвали, подтвердил староста – мол, русский он, испокон веку здесь жили и Мяченковы, и Зябрины – это две их родовые фамилии... Не было у них отродясь никаких евреев. Отсюда он, из этих мест, и родился здесь – знаем, мол, от кого, и деда его с бабкой знаем, а старики и прадедов помнят. Отпустили, слава богу.

Она все обращалась к Матвею, тот лежал тихо, слушал, ничего не говорил. Лицо его было по-прежнему светлым, отрешенным. «Не жилец», – подумала Вера.

– А дед Матвей – брат его младший, этот был русоволосый с молодости... Сейчас седой-то уж... – Она опять кивнула на деда. Тот по-прежнему молча слушал. – У них всегда так в семье было: и чернявые, и русые рождались. Может, и права Анна, может, и впрямь затесался в давние времена какой цыган у них в роду, кто его знает... Но вряд ли: у них издавна разные рождались в этой семье. И все тут жили, на земле крестьянствовали, никто и внимания не обращал, ка-

кой там цвет волос...

Матвей от еды отказался (старуха позже, когда вышли, пояснила, что он уже третий день не ест – помирать ведь лег), лежал все так же, смотрел на обедающих благожелательно-просветленно, в беседу не вмешивался, хотя слушал внимательно, ведь говорили о ближайших его родственниках. И только когда уже поели и девушки собрались уходить, обратился к жене.

– Прасковья, – сказал он. – Помнишь тот манускрипт, что на чердаке я нашел весной? Отдай его Вере. Она образованная, лучше разберется, что это такое, зачем он нужен. Покажет, может, там, в городе, понимающим людям, с образованием...

Прасковья не сразу поняла, о чем речь – она, видно, о той находке и забыла.

– Манускрипт... – протянула она недоумевающе. Но вспомнила быстро. – А, манускрипт, что лежал у свекра в сундучке! На что он был отцу твоему, зачем хранил, мы еще думали... Помню, конечно! Сейчас! Правильно, надо Вере отдать – в городе скорей пригодится.

И она достала из-за одной из икон газетный сверток. Старая газета, свернутая в свиток, почти не запылилась и выцвела совсем чуть-чуть. Вера с Катей посмотрели на свиток недоуменно: это был один из апрельских номеров «Рабочего пути» этого года, – какой же манускрипт? Но газета оказалась всего лишь оберткой. Прасковья развернула эту обо-

лочку – внутри, тоже скатанные в трубочку и связанные тесемкой, лежали какие-то ноты. Вот они были действительно старые – пожелтевшая плотная бумага, кое-где замахрившаяся по краям, выцветшие чернила, почерк с тонко выписанными нотными знаками – все указывало на старину.

– Спасибо! – сказала Вера. – Я сама ноты не могу разобрать, не училась этому, но спрошу у подруг – передам кому-нибудь, кто больше меня в музыке понимает, играет на чем-нибудь. Пусть пользуются! Может, ноты эти и в музей надо...

Глава 1. В гостях у родственников Ушаковых

«Этот Мишель очень мил. Как хорошо, что он у нас задержался, и, похоже, не слишком спешит в свое Новоспасское. С ним так весело!» – думала Лиза Ушакова, терпеливо ожидая перед зеркалом, пока горничная Настя ее причешет. В зеркале отражалось оживленное милое личико, льняные локоны (слева Настя их уже уложила, а сейчас осторожно прищипливала правую сторону), большие голубые глаза. «Да, действительно как Ольга... – огорченно подумала Лиза, разглядывая себя в зеркале. – А ведь в душе я больше похожа на Татьяну! Конечно, на Татьяну – ведь она более романтична!» Вторая глава романа опального Пушкина только что появилась в печати, молодой родственник Ушаковых Мишель Глинка, остановившийся в их доме проездом из Петербурга, привез к ним эту модную вещицу. Вчера ее читали вслух. Лизе показалось, что при описании сестер Лариных Мишель как-то особенно на нее посмотрел. С какой же из сестер он ее сравнивает? Скорее всего, с Ольгой... Лизе исполнилось семнадцать лет, и внимание столичного гостя было ей приятно. «Он очень мил, – думала она. – И что плохого в том, что он мне понравился? В конце концов, Мишель наш родственник – мой двоюродный дядя, папа его тоже

любит. И он такой талантливый. Как прекрасно он поет!»

Михаил Глинка был всего пятью годами старше Лизы. Глинки и Ушаковы находились в родстве, не самом близком, но общались по-родственному. Оба семейства принадлежали к лучшим дворянским фамилиям и были богаты. Отец Лизы, Алексей Андреевич Ушаков, владел имением неподалеку от Новоспасского, тоже в Ельнинском уезде. Часто наезжал к родственникам, Михаил помнил его с детства. В последние годы семья Ушаковых выбрала местом постоянного проживания село Бобыри под Смоленском, а зимние месяцы проводили в Смоленске. Еще до наполеоновского нашествия Алексей Андреевич приобрел в городе дом. Однако в 1812 году он был полностью разрушен. Упорный Ушаков вскоре отстроил новый дом на том же месте – в самом центре, на углу улиц Блонная и Большая Дворянская. Здесь-то и остановился проездом из Петербурга направляющийся в родное село Новоспасское на свадьбу сестры Михаил. Шла осень 1826 года, в Петербурге еще слышалось эхо Декабрьского восстания, поездка на свадьбу была прекрасным поводом удалиться из ставшей неудобной столицы.

Свадьба Пелагеи Глинки была назначена на февраль. Осенью члены семейства занимались закупками к свадьбе, для этого поселились в Смоленске у родственников. В этот период состоялось и знакомство Михаила с женихом, Яковом Михайловичем Соболевским. Соболевский владел усадьбой в том же Ельнинском уезде, был образован – Михаилу он по-

правился. «Я разрешаю им пожениться», – на правах старшего брата важно сказал он после первого знакомства с женой.

В семье Глинок узы брака считались венцом истинных чувств, предполагалось, что это нерушимый союз на всю жизнь. Дочери выходили замуж по любви, их выбор принимался родителями с уважением. Потом, правда, судьбы складывались по-разному. Мишель был старше Пелагеи, ему шел двадцать второй год, он считал, что обладает жизненным опытом, и благословил сестру. За плечами Михаила к этому времени был петербургский Благородный пансион и несколько лет службы в Коллегии путей сообщения, довольно скучной.

Дом Алексея Андреевича Ушакова, вновь отстроенный после наполеоновского пожара, был, как и первый, двухэтажным, с двумя резными балконами (один из них угловой), с винтовой, выходящей вокруг колонны лестницей, соединяющей два крыла дома. Как большая красивая птица, распластал этот дом крылья по Большой Дворянской и по Блонной улицам, а лестница удерживала крылья расправленными. В полукруглой угловой зале по вечерам собирались домочадцы, почти всегда приходили гости. Родовитые смоленские дворяне стремились не отставать от петербургской моды. Как и в петербургских салонах, у Ушаковых постоянно звучала музыка.

Столичного гостя Михаила Глинку принимали с почетом.

Из болезненного, страдающего золотухой ребенка, каким хозяин помнил его с детства, он превратился в утонченного петербургского аристократа: прекрасно пел, легко и изящно двигался, превосходно играл на фортепьяно и даже немного сочинял музыку. Все это было необходимо для успеха в столице, и Михаил, живя в Петербурге, нанимал самых лучших учителей. Пению и игре на музыкальных инструментах его учили приезжие итальянские музыканты, танцам – придворный балетмейстер. Он был прилежен в учении и достиг многого: к двадцати годам он уже был известен в столичных музыкально-литературных салонах как хороший пианист и приятный исполнитель романсов. Его принимали в самых лучших домах образованных петербуржцев. А в гостеприимном доме Ушакова он, конечно, сразу оказался в центре внимания.

Под влиянием Глинки в доме осенью 1826 года образовалось нечто вроде музыкального салона. Молодежь исполняла, слушала, обсуждала фортепьянные пьесы и романсы. Старшее поколение тоже с удовольствием принимало участие в обсуждениях. Все поражались талантам Мишеля. Много было и шуток, смеха на этих вечерах. Глинка быстро влюбился в юную, романтическую и открытую для счастья дочь своего двоюродного брата Лизу и посвятил ей новое сочинение – «Вариации для фортепьяно» на модный итальянский романс. Он подписал сочинение «Глинка, любитель». Он еще не чувствовал себя профессиональным ком-

позитором, однако отправил эти «Вариации» в Петербург, и вскоре они были опубликованы. Хозяин дома, Алексей Андреевич, был очарован петербургским родственником, восхищался его талантами.

Эта смоленская осень была счастливой и полной надежд. Лиза захотела учиться у Мишеля пению, и теперь они ежедневно занимались музыкой вдвоем. Глинка оказался хорошим учителем, и Лиза делала успехи. Жизнь в ту осень казалась круто закрученной радостной феерией, и когда Глинка поднимался по вьющейся вокруг колонны лестнице к себе в комнату, голова у него кружилась не только от выражей узорных лестничных перил, но и от счастья – бессмысленного, молодого, не раздумывающего о том, что будет дальше.

После Святков отправились в Новоспасское. На свадьбу Пелагеи съехала родня со всей округи. Мишель был выбран шафером. Он на этой свадьбе чувствовал себя одним из главных распорядителей и вообще блистал. Старший брат невесты, столичный фронт, завсегда модных петербургских салонов, он вел себя свободнее, чем это было принято среди провинциального дворянства. Глинка от природы был очень чувствительным, эмоциональным, и сейчас, на свадьбе младшей сестры, он был переполнен собственными чувствами, не мог и не хотел их сдерживать. На глазах у всех он продолжал ухаживать за Лизой. После свадебного обеда Мишель подошел к группе разговаривавших за столом

девушек, остановился перед Лизой и, молча опустившись на колени, осторожно снял с ее изящной ножки туфельку. Наполнив бокал шампанским, он выпил за здоровье его обладательницы. Его любовь и восхищение рвались наружу, требовали выражения.

Лиза сидела совершенно ошарашенная, она не могла вымолвить ни слова. Окружающие тоже молчали. Гости, воспитанные в сельской усадебной атмосфере, были ошеломлены. Никто ничего так и не сказал об этом происшествии ни во время свадьбы, ни после. Младшая сестра Глинки Людмила через много лет вспоминала об этом эпизоде с ужасом.

Влюбленность Глинки, по-видимому, была взаимной. Никаких свидетельств о том, почему эта чистая и светлая юношеская любовь не получила развития, время не сохранило. Легко догадаться, впрочем, что мешала родственная связь, пусть и не слишком близкая. Родители композитора поженились в свое время, будучи троюродными братом и сестрой. Им пришлось преодолеть немало трудностей и приключений, включая похищение невесты. Они вряд ли обрадовались бы повторению своей истории в судьбе сына. Да и Алексей Ушаков, скорее всего, не дал бы согласия на брак дочери с ее троюродным дядей. Второй (и не менее важной!) помехой была молодость Глинки – ему шел двадцать второй год, планы были большие. Он подавал надежды как музыкант и твердо знал, что будет учиться дальше: совершенствовать исполнительское мастерство, мечтал заняться

и сочинением музыки. В ближайших планах было длительное путешествие по Италии и Германии с целью лучшего знакомства с европейской музыкой.

При всей чувствительности натуры Михаил Глинка был человеком достаточно трезвомыслящим. Артистическая утонченность вполне уживалась в его характере со способностью к житейскому расчету. Пережив гамму тончайших любовных чувств, Мишель Лизе предложения не сделал, отлично понимая, что этот брак по многим причинам невозможен.

Девушка и в дальнейшем сохранила со всеми Глинками родственные отношения, помогала матери Мишеля и ему самому в каких-то бытовых вопросах. Замуж она вышла очень поздно, около сорока лет, за некоего Мицкова, председателя Смоленской палаты уголовного суда. Детей не имела.

Глава 2. Даша, Нинкина внучка

Елена Семеновна старалась звонить Даше хотя бы раз в два дня и заходила к ней каждую неделю. Племянник Юра с семьей не вернулись еще из Пржевальского, остались на даче на осень. После Юркиной женитьбы у них оказалось две квартиры. Племянник с семьей остался в дедовской, на улице Бакунина, а Елена Семеновна теперь жила по большей части в однокомнатной квартире его жены Маши. Однако на время отъезда «детей» (так она называла семью племянника) Шварц предпочла вновь поселиться в большой квартире на улице Бакунина¹. Отчасти она сделала это ради Даши – отсюда ближе к ней идти. Даша была внучкой ее очень давней и хорошей знакомой; в какой-то период, в ранней молодости, они, пожалуй, дружили.

Нина Леонова, Дашина бабушка, с детства жила в одном доме с Лелей Шварц. Дом этот огромный – по сути, пять самостоятельных домов, составляющих изощренную, однако не лишённую изящества фигуру, – в Смоленске он известен под названием Пентагон. За конфигурацию его так и прозвали. Хотя, если честно, архитектура ничем не напоминает здание американского Министерства обороны. Ничем, кроме пяти составляющих большое здание, впритык тесня-

¹ Про Юркину семью и обе квартиры читай в романах «Русское сокровище Наполеона» и «Утраченный дневник Гете»

щихся отсеков; так что название себя оправдывает.

Этот дом строился еще до войны как общежитие льнокомбината, после войны достраивался, перестраивался. Там и после войны были сплошные коммуналки на три-четыре семьи.

Когда семья Шварц переехала в этот дом, Леоновы уже в нем жили. Родители Нины получили там комнату еще до ее рождения, вскоре после войны. Мать работала художницей по тканям на льнокомбинате, ей и дали комнату. В коммуналку и Шварцы вселились двумя годами позже Леоновых. Им дали комнату с другой стороны здания. У Лели отец на льнокомбинате был инженером-наладчиком. Семьи росли, появлялись дети, коммуналки расселялись, и к восьмидесятым годам обе семьи жили в отдельных квартирах. Шварцы с одной стороны Пентагона, Леоновы – с другой. Дети были знакомы, так как вместе играли во дворе. В младших классах Леля с Ниной и учились вместе, в двадцать восьмой школе. Потом Леля перевелась в седьмую, потому что туда перешел работать учитель математики – а это был любимый Лелин предмет. Все говорили, что у нее большие способности к математике, а учитель был выдающийся, вот Леля и перешла. Нина осталась в прежней школе, рядом с домом: к математике она была равнодушна, да и вообще училась средне. Тем не менее они продолжали дружить, со временем дружба даже усилилась: обе девочки отличались веселым нравом и жаждой свободы, что в переходном возрасте приняло форму

протеста против скучных правил, насаждаемых взрослыми. В старших классах Нина и Леля вместе посещали тусовку подростков в знаменитом бомбоубежище Пентагона, там с удовольствием отплясывали рок-н-ролл, курили, даже пробовали пить вино... К счастью, в ту пору еще не были распространены наркотики.

Неизвестно, к чему привела бы эта веселая жизнь, но продолжалась она недолго. На шумные молодежные тусовки в подвальном этаже пожаловались жильцы, бомбоубежище закрыли на большой замок, с подростками стала работать милиция. О подвигах скромных ранее учениц было доложено в их школы (напомним, девочки учились в разных). Лелю вызвал директор, формой общения с нарушающей дисциплину круглой отличницей и призером математических олимпиад он избрал «разговор по душам». В общем, репрессий не последовало почти никаких, однако Леля Шварц стала серьезнее, не курила более на людях и танцевала на школьных вечерах только приличные советские танцы – вальс, кадрили... Еще падеспань был тогда популярен. Про этот танец и песенка ходила:

Падеспанчик хорошенький танчик,
Его очень легко танцевать:
Два шага вперед, два шага назад,
Повернуться и снова начать!

А вскоре танцевать ей вовсе некогда стало: с одной сторо-

ны, требовалось усилить подготовку для поступления в вуз, а с другой – именно в это время она влюбилась в мальчика из другой (третьей) школы, спортсмена и комсомольца, ей стало вообще не до тусовок.

У Нины сложилось хуже. Директриса школы ее тоже вызвала, долго ругала и стыдила, Нина надерзила в ответ, и в результате была вынуждена уйти из школы после девятого класса. Учиться она дальше не стала, а поступила работать на тот же льнокомбинат, в пошивочный цех.

Только через много лет, когда у Нины подросла дочка, бывшие подруги стали вновь тесно общаться. Единственная дочка Нины Юля захотела поступать на иняз, и Леля, будучи преподавательницей английского, по просьбе бывшей подруги взялась готовить девочку к поступлению. Они жили в одном доме, это было удобно.

Так получилось, что Леля, не имеющая собственных детей (а Юрка тогда еще жил в Десногорске, с родителями), сдружилась с Нинкиной дочкой Юлей, а потом и внучкой Дашей. Общалась и с Ниной, но два года назад та умерла. И после смерти Нины Шварц пришлось плотно Дашку опекать.

Дело в том, что Юля в последние годы работала на Сахалине – преподавала в Южно-Сахалинском университете – и приезжала в Смоленск только на лето. С мужем она вскоре после рождения дочери развелась, там была какая-то романтическая, но не очень красивая история. Дашин папа давно уже жил в Латинской Америке, у него была другая семья.

После отъезда матери Даша осталась в Смоленске с бабушкой. Работа на Сахалине давала Юле хорошую зарплату, а в будущем предполагалась значительная надбавка к пенсии. Для получения надбавки оставалось доработать еще два года, Юля твердо решила ее получить и не стала возвращаться в Смоленск, даже когда мать умерла. Дочери к этому времени уже исполнилось семнадцать, пусть поживет два года одна, а там Юля вернется... там видно будет. Она попросила присматривать за девочкой давнюю приятельницу их семьи Елену Шварц, тетю Лелю, как она ее называла, и вернулась на Сахалин. Вот почему Елена Семеновна звонила Даше регулярно, почти каждый день, и заходила к ней не реже раза в неделю.

В тот сентябрьский день 2019 года Леля собиралась позвонить своей подопечной вечером, однако получилось иначе. Ее разбудил звонок домашнего телефона. Время близилось к обеду, однако Леля, увлекшись замечательным детективом, до утра читала. Заснула, когда уже начало светать, и теперь еще не встала. Звонила Альбина Петровна, соседка с другого конца Пентагона. Она проживала как раз в Дашином подъезде.

– Елена Семеновна, извините, но я решила, что вам необходимо сообщить. Звоню из своей квартиры, а в Дашиной полиция сейчас и «скорая». Ее нашли без сознания сегодня утром. Извините еще раз, что беспокою.

Елена Семеновна сообщила быстро. Через двенадцать

минут она уже входила в Дашин подъезд.

Глава 3. Судьбоносное знакомство: Мария Петровна Иванова

Младшая сестра Михаила Пелагея, чью свадьбу с такими счастливыми ожиданиями праздновали в Новоспасском в 1826 году, умерла через два года. Глинки не обладали хорошим здоровьем: из тринадцати братьев и сестер Михаила пережили родителей лишь четверо. За Михаила тоже постоянно боялись: он с младенчества был золотушным, болезненным, лечился всю жизнь и привык к постоянным недомоганиям. Вернувшись после свадьбы сестры в Петербург, он, как и планировал, стал заниматься музыкальной композицией, брал уроки, по своему обыкновению, у самых лучших и дорогих учителей. Одновременно Глинка изучал итальянский язык, блистал в салонах, заводил новые знакомства – сколь приятные, столь и полезные.

Он подружился с Нестором Кукольником, у которого собиралась по ночам петербургская «золотая молодежь», имеющая отношение к искусству. Его музыкальные дарования открыли ему вход и в другие салоны Петербурга. Глинка был хорошо знаком с Жуковским, Вяземским, Пушкиным. Здоровье его между тем ухудшалось. При его болезненности разгульная ночная жизнь, какой требовало петербургское окружение (а это был музыкальный и литературный цвет

богемного Петербурга), здоровья не прибавляла.

Когда физические страдания стали непереносимыми, было решено уехать из сырого и сумрачного города в Италию. Глинка рассчитывал получить за границей не только лечение, но и заняться изучением европейской музыки. Заботливый отец нашел ему компаньона, заказал специальный возок – чтоб удобно было ехать, – и путешествие началось.

В Италии и Германии Глинка прожил почти четыре года. Здоровье поправить почти не удалось, а вот в музыке он освоил очень многое. Для развития и совершенствования мастерства поездка оказалась чрезвычайно полезной. Его композиторский дар складывался именно здесь, и более всего в Берлине. Он занимался там с великим учителем, многое открывшим ему в искусстве композиции.

Глинка остался бы в Берлине и дольше, тем более что всерьез увлекся семнадцатилетней музыканткой по имени Мари. У нее было тонкое нежное лицо с большими черными глазами, она казалась ему необыкновенно одухотворенной. Кроме игры на фортепьяно, Мари пела, играла на скрипке. Отъезд стал неожиданностью для него самого: в Новоспасском скорострительно умер едва перешедший пятидесятилетний рубеж отец.

На главе семейства, Иване Николаевиче Глинке, держалось многое – и прежде всего благосостояние семьи. Теперь Михаилу приходилось принимать управление имением, вникать в финансовые и хозяйственные заботы. Нельзя ска-

зять, что он был к этому совершенно не способен, но он все это очень не любил. Поэтому львиную долю забот взяла на себя мать, освободив от них талантливое сына.

Уладив основные дела в Новоспасском, он съездил в Москву, чтобы встретиться с друзьями и рассказать в музыкальных салонах о своих новых достижениях. Салоны играли примерно такую роль, какую теперь выполняет интернет – Глинке необходимо было напомнить о себе на родине. Его появление имело успех: он действительно поразил друзей своими новыми талантами и умениями. А потом заспешил в Германию, чтобы продолжить занятия по композиции с одним из лучших профессионалов Европы. Была и еще одна причина, зовущая в Берлин: там его ждала Мари. Эта девушка брала уроки у тех же учителей, что и Глинка. Они подружились, общая любовь к музыке сближала их.

Скоро он услышит ее нежный голос, сможет сесть рядом, чуть передвинув свой стул, чтобы удобнее было следить за ее игрой на фортепьяно, разумеется. И нежный темный локон будет виться совсем близко от его лица, и улыбаться Мари будет немного смущенно, понимая, что не только от ее музыкальных успехов светятся глаза Мишеля.

Препятствие возникло неожиданно. В дальнейшем сам Глинка говорил о «руке судьбы». Сестра Наталья попросила его сопроводить в Берлин ее горничную Луизу. Девушка была привезена из Германии, не знала русского языка, отправить ее назад в одиночестве было бесчеловечно. Однако во время

выезда из Смоленска возникли проблемы с ее паспортом, для их решения требовалось ехать в Петербург.

Глинка, человек слова, не мог бросить женщину, хотя в столицу ехать ему не хотелось. Его зять Дмитрий Степанович Стунеев, муж сестры Маши, уговорил его поехать вместе. В Петербурге они остановились у брата Дмитрия, Алексея Стунеева. Так началось главное несчастье жизни Глинки.

В доме Стунеевых в это время гостили мать и сестра жены Алексея Степановича Стунеева, Софьи Петровны. Сестру звали Мария Петровна, ей было только семнадцать лет, она еще не выезжала, то есть не имела никакого опыта светского общения. Семья Ивановых была небогатой и не слишком знатной (они относились к прослойке бедных дворян), но Марья Петровна получила неплохое домашнее образование и отличалась красотой.

Как только Глинка увидел эту белокурую грациозную девушку с лицом Мадонны, он сразу подумал: «Это она!» Вопрос женитьбы как раз назрел. Считалось очень приличным для дворянина жениться в тридцать лет; к этому времени полагалось иметь стабильный доход и положение в обществе. Все это у Глинки наличествовало. Ему недавно исполнилось тридцать, он был владельцем большого, приносящего хороший доход имения, его знали в Петербурге и ожидали от него многого. Жениться было в самую пору. Бессознательно он уже готовился к этому шагу. Судьба устроила

встречу с Марьей Петровной очень вовремя. Действительно, не на иностранке же ему жениться! Тут, кстати, он вспомнил, что слышал о Марии Петровне Ивановой раньше их встречи: сестра Наталья еще в Берлине рассказывала о родственнице Стунеева, которая нравится его родителям – отец в шутку даже называл ее «невесткой». В общем, все складывалось одно к одному. Это была судьба.

Познакомившись с Марией Петровной, Глинка перестал спешить в Германию и надолго застрял в Петербурге. К отъезду уже все было готово. Матушка даже купила ему собственную карету, что предполагало большие траты. Но они оказались напрасными. Его помыслы были теперь связаны с Петербургом и юной Марией.

Светлые локоны, голубые глаза, еще детская наивность Марии Петровны привлекали Мишеля. Отдаленно она напоминала юношескую его любовь, Лизу Ушакову. Он иногда вспоминал тот дом с винтовой лестницей, ощущение головокружения и бесконечного счастья от переполненности чувствами. Маша была в таком же юном возрасте и казалась ему непосредственной и романтической, как Лиза, но сам он теперь был много старше и, как полагал, умудреннее.

Нет, это не была безудержная страсть. Традиции семьи Глинок предполагали, что женитьба – важнейший шаг, союз заключается на всю жизнь, и Михаил выбирал будущую жену вполне расчетливо. Как это нередко бывает, повышенная чувствительность и эмоциональность совмещались в

его характере с житейской осторожностью, осмотрительностью. Он внимательно приглядывался к претендентке. И видел ее именно такой, какой хотел видеть! Мария Петровна была совершенством – да, именно такая жена ему и нужна!

Позже выяснилось, что ошибся он жестоко. Он сам не понимал, как это произошло. По всей вероятности, ум и житейская мудрость в чувствительной натуре способны подлаживаться к эмоциям и чувствам, в результате последние побеждают в этом неравном диалоге. Ошибка прояснится позже. А в те дни, когда он застрял в доме Стунеевых, напроць забыв и о Берлине, и об ожидавшей его там Мари, он не уставал радоваться новой встрече – Мария Петровна представлялась ему ангелом, образцом, подарком судьбы. Он и не помышлял больше об отъезде за границу, несмотря на купленную уже для этой поездки карету.

Глинка к этому времени был человек петербургского света и в серьезном деле женитьбы руководствовался новейшими его предрассудками. Жене светского человека предстояло выполнять две социальные роли: быть украшением дома, центром домашнего салона (музыкального в случае Глинки) и являться рачительной хозяйкой, уметь вести дом. Естественно, она должна обладать высокой нравственностью, чувствительностью и добротой, умением сглаживать конфликты, изящно выглядеть и быть разумно экономной. Все эти качества он находил у Марии! Де-

вушка училась дома; как позже выяснилось, она была не слишком образованна, однако писала по-русски грамотно, немножко знала два иностранных языка, умела танцевать, обладала приятным голосом и (после знакомства с Глинкой) стала учиться петь. А самое главное – она беспрерывно восхищалась Михаилом, была в восторге от его музыки, от его пения, от его фортепьянной игры.

Нравился ли он ей или с ее стороны был только голый расчет? Глинка являлся для нее, как уже говорилось, выгодной партией – его семья была значительно более богатой и знатной, чем семья Ивановых. Но, конечно, к этому дело отнюдь не сводилось. Михаил производил очень хорошее впечатление и сам по себе. Он только что вернулся из длительного путешествия по Европе, прекрасно пел и играл на фортепьяно (это в свете очень высоко ценилось). Он хорошо говорил, и когда он чем-то увлекался (а увлечен он был почти всегда), глаза его восторженно горели. Мари влюбилась. Она постоянно кокетничала с Глинкой и время от времени обращалась к нему на «ты» (как бы нечаянно срывалась) – это было нарушением приличий, но очень милым. Михаил бывал каждый раз растроган.

Пустое «вы» сердечным «ты»

Она, обмолвясь, заменила

И все счастливые мечты

В душе влюбленной возбудила...

Возможно, Мари знала эти стихи Пушкина? Впрочем, скорее ею руководил инстинкт кокетки. «Она ангел!» – восклицал между тем восторженный Глинка.

У Стунеевых часто собирались гости. Алексей Степанович был полковником, командиром элитного воинского подразделения. Приходили его воспитанники, другие военные... Заходил к Стунеевым даже Лермонтов, с которым они одно время вместе служили... Гости пели, играли на фортепьяно – Глинка оказался здесь в своей стихии. Зимой 1834/35 года он написал и посвятил Мари романс на стихи Дельвига «Только узнал я тебя...». Это была музыка возвышенная и светлая – такой он видел свою любовь.

*Ты мне сказала «люблю»,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.*

*Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе...*

Этот возвышенный образ Марии Петровны Глинка нарисовал в своем сердце. Она приняла посвящение со слезами на глазах. Как и другие ее ровесницы, девушка была не чужда романтизма и, видя восторг музыканта, плакала искренне.

Мать Маши, Луиза Карловна, весь период «жениховства» находилась рядом, она тоже гостила у Стунеевых (напом-

ним: другая ее дочь, Софья Петровна, была женой Алексея Степановича). Будущая теща считала складывающуюся партию неплохой. Она смотрела, конечно, практически: богат, знатен, принят в хороших домах. После сватовства Глинки она, правда, высказала ему пожелание: неплохо, если бы он еще устроился на постоянную службу – ведь это стабильная прибавка к доходу с имения.

Свадьба была назначена сразу же после завершения годичного траура по отцу. Глинка снял на месяц квартиру в Петербурге, а в конце мая молодые отправились в Новоспасское. Его представления о Машеньке как об ангеле и идеале постоянно находили подтверждения. Весь первый год Михаил радовался своей женитьбе и находил в жене все новые прекрасные качества: бережливость, склонность к порядку, доброту. В нем заговорил помещик – это была среда, в которой он вырос и в которой высоко ценились именно эти добродетели. «...Если бы Вы видели, как у нее все на своем месте в комоды, как долго хранятся самые безделки!» – писал он матери. Счастливым было и лето в Новоспасском.

«Ежедневно утром садился я за стол в большой и веселой зале в доме нашем в Новоспасском. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, одним словом, вся семья там же копошилась, и чем живее болтали и смеялись, тем быстрее шла моя работа. Время было прекрасное...» – писал Глинка.

Молодой человек, могущий уже назвать себя композито-

ром, приступил к созданию оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Работа шла хорошо, новое семейное положение только радовало. Жизнь обещала оставаться безоблачной.

Глава 4. Сэнсэй что-то знает?

Елена Семеновна обогнула дом со стороны улицы и подошла к Дашиному подъезду, когда от него отъезжала «скорая». Покрутив головой, она увидела и полицейский автомобиль, припаркованный чуть поодаль.

Дверь в квартиру Леоновых была не заперта. В прихожей, возле самой двери, сидел Сэнсэй – встречал Елену Семеновну. Не подошел, как обычно, не потерся о ноги, а сразу пошел впереди нее – повел в комнату.

Елена Семеновна была высокого мнения об уме Сэнсэя. Дашка подобрала его прошлой зимой во дворе. Начались морозы, и замерзший черный котенок сидел возле подъезда, смотрел на входящих жильцов умоляющими глазами, изредка негромко и отрывисто мяукая, что означало: «Возьмите меня в квартиру, а то замерзну совсем – вам стыдно будет!» Дашка взяла. Вырос Сэнсэй крупным, пушистым, как водится, себе на уме и очень сообразительным.

Но что же с Дашкой?

– Девушку увезли в Красный Крест, она в коме. Похоже, передоз, – ответил на ее еще не заданный вопрос сидящий на крутящемся стуле возле пианино полицейский. Он рассматривал ноты на пюпитре. – Здравствуйте, Елена Семеновна! – добавил он, повернувшись вместе со стулом к ней, и жен-

щина узнала Полуэктова, своего соседа по другой квартире². Теперь, когда Елена Семеновна живет в той однокомнатной в Чуриловском тупике, она иногда встречается с Полуэктовым и его женой Ириной за чаем, по-соседски. Впрочем, уже давно они не виделись: Шварц все лето провела здесь, на Бакунина, воспользовавшись отъездом на дачу Юркиного семейства.

– Анатолий! – воскликнула она. – А я минуту назад про вас подумала – что, мол, надо к вам обратиться с просьбой о расследовании.

– Какое тут расследование?! – поднял голову второй полицейский (он уже складывал бумаги в папку). – Перебрала девочка наркотиков, нечего и расследовать. И куда родители смотрят? Мать деньги зарабатывать поехала, говорят?

Елена Семеновна взяла себя в руки и решила пока не отвечать – не торопиться, оглядеться.

В комнате кроме двух полицейских находилась соседка Альбина Петровна – та самая, что ее вызвала. И Славик Зайцев. Славик – компьютерщик лет тридцати, тоже из этого подъезда, с четвертого этажа, его квартира располагалась как раз над Дашиной. А Альбина Петровна жила на одной с Дашей площадке, тоже на третьем. В комнате был удивительный для Даши беспорядок: ящик письменного стола выдвинут, дверца книжного шкафа распахнута.

² Читатели романа «Утраченный дневник Гете» помнят историю женитьбы майора Полуэктова на соседке Шварц.

– Что, обыск делали? – спросила Шварц у Полуэктова.

– Нет, не делали пока, – ответил майор. – У нее обычный бардак, у наркоманов часто так. А, кстати, рад вас видеть, Елена Семеновна, но удивлен: припоминаю, что ваша квартира в другом подъезде была?

– В другом, – серьезно кивнула Шварц. – Я не такая уж близкая соседка, однако Дашу и ее семью знаю с детства, еще с бабушкой ее дружили. Захожу часто и к Даше.

– А-а-а! – обрадовался Полуэктков. – Вот и сообщите матери. У вас ведь есть адрес?

– Есть, – грустно кивнула Елена Семеновна. – Сообщу. Что с Дашей?

– Отравление. Скорее всего, наркотиками. Возможен смертельный исход, – сухо отрапортовал майор.

– Мне кажется, она не употребляла наркотиков. – Леля покачала головой. – И в квартире у нее был порядок. Вот так (она кивнула в сторону разбросанных книг и нот) обычно у нее ничего не валялось.

– Да! – поддержала Альбина Петровна. – Не валялось! Я тоже к ней заходила.

– Ну, это мы разберемся, – недовольно отмахнулся Полуэктков. – У всех когда-то не валяется, а когда-то валяется.

– А как обнаружилось... происшествие? – осторожно спросила Леля. – Кто ее нашел и полицию вызвал?

– Я, – поднял голову Славик. Он был непривычно сумрачный сегодня. – Даша еще на той неделе просила посмотреть

ее комп – грузится медленно. У меня сегодня в обед выдалась минутка – я и зашел. Дверь открылась, не была заперта. Я думал – может, она спит? Хотел просто уйти, но Сэнсэй орет, не отпускает. А она от громкого мява не просыпается. Я и позвал Альбину Петровну посмотреть.

– Да, я как раз выходила из своей квартиры – в магазин собралась, – включилась Альбина Петровна. – А тут Славик выскакивает от Даши как ошпаренный, говорит: странно она как-то спит, слишком крепко – как бы не обморок это, посмотрите... Зашли: Сэнсэй орет, а Даша как неживая лежит, не реагирует на его мяуканье. Ну и вызвали «скорую», потом полицию.

– Возможно, еще с вечера дозу приняла... – вставил лейтенант.

– Ну почему вы уверены, что она сама приняла? И что вообще это наркотики? – вскинулась Леля. – Ничего такого я за ней не замечала, а ведь знаю ее давно. Тут случилось что-то, проверить надо хорошо!

– Может, и случилось, – ответил Полуэктов и покосился на Славика (тот под его взглядом еще ниже опустил голову). И опять повторил: – Может, и случилось...

Обыск не показал ничего интересного. Денег нашли не много, но у Даши много и не имелось. Ценные вещи были на месте. Елена Семеновна подтвердила, что, кроме жемчужного ожерелья да сережек с маленькими бриллиантиками (мать подарила), не было у Даши ценных вещей. Компьютер не но-

вый, шубка не особо дорогая.

В общем, Полуэктов взял у Славика подписку о невыезде, всех попросил выйти и квартиру опечатал. Сэнсэя Елена Семеновна забрала к себе. Кот воспринял ее объятия как должное, спокойно сидел на руках, пока она несла его через весь двор на другой конец Пентагона.

Глава 5. «...Уж не Глинка, а фарфор»

То лето в Новоспасском было самым счастливым в жизни Глинки. Беспреданно радовало не только его новое семейное положение, но и новая работа. Он писал оперу. Замысел возник еще во время заграничного путешествия: итальянские, немецкие национальные оперы прекрасны – почему нет русской?! Он изучил основы и впитал дух европейской музыки. Европейские достижения должны быть продолжены и дополнены национальным русским содержанием. Он решил создать русскую оперу, не уступающую европейской.

Еще в Петербурге, гостя в доме Стунеевых, Михаил Иванович не только любезничал с будущей супругой, но и посещал салон Жуковского. Знакомство с Василием Андреевичем состоялось раньше, однако именно в 1834 году Глинка сблизился с кружком Жуковского.

Музыкант был в полном восторге от творчества и личности поэта, ценил его в этот период выше Пушкина. Жуковский был аристократом во всем, его доброта, щедрость, мудрость не знали границ. Невероятной широты души был этот не очень счастливый в личной жизни человек. «Чистая, благородная душа!» – говорил о нем Глинка. Все светила интеллектуального Петербурга собирались у Жуковско-

го: Пушкин, Вяземский, Одоевский, Гоголь, Плетнев... Больше говорили о литературе, но иногда пели и играли на фортепьяно – тогда главенствовал Глинка.

Начинающий композитор не ожидал, что мэтр так живо заинтересуется его идеей создания национальной оперы. Он просто изложил собравшимся свои зародившиеся еще в Берлине мысли, ожидая сочувствия, интересного разговора, но не рассчитывая на поддержку. Сверх ожидания идея заинтересовала всех присутствующих, а Жуковский просто загорелся ею! Казалось, он увлекся не менее самого Глинки – так горячо его поддержал.

Жуковский – воспитатель наследника престола – мыслил государственно. Мир неспокоен, Европа охвачена революциями, того и гляди они перехлестнутся в сотрясаемую холерой и хлебными бунтами Россию. Как объединить империю в период нестабильности?

Идея народности могла служить объединению сословий и этносов империи. При всей абстрактности она становилась популярной при дворе, к которому Жуковский был близок. Она привлекала Василия Андреевича и других интеллектуалов его круга.

Жуковский, автор поэмы «Певец во стане русских воинов», хорошо понимал значение произведений искусства в продвижении национальной идеи – в воплощении ее в жизнь, в конце концов. И когда Глинка с горящими глазами стал рассказывать о замысле национальной русской оперы, Жуков-

ский, тонко чувствовавший требования времени, поддержал его конкретными советами – он организовал создание либретто. Подхватили и другие члены кружка. Выбор сюжета, создание либретто и продвижение оперы на сцену курировались лично Жуковским (он и предложил в качестве сюжета подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, спасшего юного Михаила Романова от польских захватчиков).

Обсуждения с Жуковским способствовали вдохновению композитора. «Как бы по волшебному действию вдруг содался и план целой оперы, и мысль противопоставить русской музыке польскую; наконец многие темы и даже подробности разработки – все это разом вспыхнуло в голове моей», – удивлялся впоследствии Глинка.

Вот почему счастье лета 1835 года было таким полным. С утра Михаил садился за рояль. Распахивали окно в сад, солнечные лучи ложились на паркет квадратами и прямоугольниками, достигали рояля, передвигались в глубь помещения маленькими шажками, час за часом. Все, кого он любил – мать, сестры, жена, – сидели тут же, в просторной гостиной – кто-то вышивал, кто-то вязал, а кто-то просто смотрел с радостью и любовью на его движущиеся над роялем руки, на его вдохновенное лицо.

– Мишель, ты не устал? Велеть ли подать чаю? До обеда еще три часа... – спрашивала жена.

– Спасибо, Мари, – отвечал он растроганно. – Пусть накроют для чая.

Ему было очень хорошо. Он надеялся, что так будет всегда.

Все вместе полдничали за большим столом здесь же, в гостиной. Несколько сортов свежесваренного варенья, сладкие пирожки, сливки, масло – все домашнее, со своего хозяйства. Мать и сестры улыбались, видя взаимную нежность Мишеля и Мари.

Было много счастья. Но и нервов много он потратил на эту оперу. Первый акт он написал быстро. А второй писал уже по возвращении в Петербург, и он не шел. Здесь все вообще осложнилось: донимало плохое здоровье, необходимость обустроиваться, искать квартиру, волнение за судьбу оперы. Он работал как в лихорадке, очень боялся не успеть, не сделать. Его постоянные болячки от нервозности обострились. А весной 1836 года тяжело заболела Мари. По-видимому, это было воспаление легких. Деньги из имения поступали регулярно, но их не хватало на обустройство. Все это тревожило композитора, как и страх провала. Он писал матери: «...Мне музыка и опера опостытели, и я только желаю сбить ее скорее с рук долой да убраться из Петербурга, который по дороговизне слишком накладен для кошелька – мы непрерывно в нужде».

В течение почти полутора лет он вносит правки, советуется с друзьями и вплоть до премьеры добавляет номера. По рекомендации Жуковского либретто писал барон Розен – дипломатичный, тщательный в работе. Отдельные

арии и сцены исполнялись еще до премьеры. Впервые русская опера сочинялась по законам европейского музыкального искусства. Музыка воплощала сущность «души» русской нации, но эта «душа» была понятна в первую очередь интеллектуалам, воспитанным на идеалах европейского сентиментализма и романтизма. Будучи, безусловно, русской и народной, «Жизнь за царя» не уводила от европейского искусства, а сближала с ним.

Надо сказать, и друзья много содействовали композитору – не только советами, но и продвижением оперы к постановке, распространением слухов о ней (как теперь сказали бы, рекламой). Петербург ждал творения Глинки с нетерпением. Император приходил на одну из последних репетиций, императрица беседовала с композитором, и этой беседой он был весьма воодушевлен.

Премьера состоялась 27 ноября 1836 года. Больной от переживаний автор вышел кланяться на негнущихся ногах, едва не теряя сознание от волнения.

Успех превзошел ожидания. О Глинке заговорили как о создателе русской музыки. Многие друзья композитора восхваляли его стихами:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка,
Веселися, Русь! Наш Глинка –
Уж не Глинка, а фарфор!

Глава 6. Как лист перед травой!

Сэнсэй этой ночью спал в ногах у Елены Семеновны, и это ее немного успокаивало. Вчера, придя от Даши, она быстро покормила кота чем бог послал, а сама есть не стала, побежала в Красный Крест узнать, не пришла ли Дашка в себя.

Шварц была оптимисткой и почему-то не думала о смерти. Однако случилось страшное: в больнице ей сообщили, что Даша умерла еще по дороге в больницу, в «скорой». Узнав, что Шварц не родственница, медработники с ней особо не церемонились, рубили сразу правду-матку: все умрем – дело житейское.

– Спасать было уже поздно, уже мертвая была. Ее сразу в морг положили, – сообщила медсестра. И пояснила: – Забирать родственники должны или нужно специальное разрешение. Но пока все равно нельзя. Полиция еще будет расследовать причину смерти, не все там ясно.

По дороге домой, топая по тротуарам, пережидая красный свет у светофоров, Леля не позволила себе заплакать: народ вокруг, знакомые могут увидеть – спрашивать начнут, надо будет отвечать. Слава богу, никого не встретила, никто не остановил. А придя домой, расслабилась – зарыдала, рухнув на диван. Дашку она еще ребенком знала, хорошая девочка... была, значит. Но почему? Что случилось? Если б при-

шла к ней Леля вчера... Может, это она виновата? Не уследила...

Сэнсэй тотчас подошел, замыкал громко, потом ткнулся мордой ей в плечо. Так они вдвоем и плакали... Звонить Дашиней матери в этот вечер Леля не нашла в себе сил, решила отложить на завтра. Но поздно вечером, в двенадцатом часу, когда она уже постель расстилала, раздался звонок по ватсапу. Юля позвонила сама.

– Тетя Леля, я знаю, вы поздно ложитесь... Я не разбудила? Решила, что не поздно еще вам позвонить. У нас утро, на работу собираюсь. Что-то я за Дашку переживаю... Звонила ей вчера – не отвечает. И сегодня не отвечает! Наверно, с телефоном что-нибудь опять. Как она?

– Юлечка, – начала Леля растерянно и чуть не разрыдалась. Но быстро взяла себя в руки. – Юлечка, собиралась тебе звонить как раз. Детка, помни, что все в жизни бывает и все нужно пережить. – Она сделала паузу.

– Что?.. – выдохнули на том конце трубки.

– Даша очень серьезно заболела. – В последнюю минуту Леля не смогла сказать правду. – Так серьезно, что без сознания сейчас лежит, всего можно ждать.

– Что за болезнь? Что с ней?

– Врачи не знают. Она без сознания. Как ты сама, Юля? Сможешь прилететь?

– Да. Я сегодня же на работе договорюсь и сразу постараюсь вылететь. Как с билетами, еще не знаю. Дня через два

буду.

Леля валерьянки напилась и спать легла. Спала плохо, просыпалась каждый час, пила опять валерьянку. Пару капель и коту дала. Сэнсэй постоянно находился рядом – то в ногах, то под боком лежал. Услышав, что она проснулась, мурчал. Успокаивал.

Утром Шварц решила, что надо брать себя в руки. Накормила кота, себе сварила кофе и стала думать. Кот быстро съел котлету и сидел рядом, смотрел на нее своими загадочными раскосыми глазами.

– Странная история, Сэнсэй, – сказала Леля коту. – Ведь не употребляла Даша наркотики. И не валялись никогда у нее ноты, разбросанные по полу. Что-то там случилось, и она была не одна. Славик этот, конечно, подозрительный, Полуэктов прав. Только разберется ли? Юлечка приедет – что я ей скажу? Недоглядела! – Она опять собралась заплакать, но удержалась, взяла себя в руки. – Нет, я не успокоюсь, пока не разберусь. Надо со Славиком поговорить и с Альбиной Петровой. Эх, Потапова сейчас не хватает! Ты его не знаешь, Сэнсэй! С ним легко – мы с ним уже не одно преступление раскрыли... Но его как найдешь – во-первых, неудобно обращаться, во-вторых, у меня и номера-то его телефонного, скорее всего, нет...

Пушистый черный кот слушал Лелю сочувственно, но помочь, конечно, не мог.

В это время раздался звонок домофона – наверно, девоч-

ки пришли мыть подъезд или кто-то из соседей забыл ключ.

– Кто там? – Леля недовольно приложила к уху трубку домофона.

– Елена Семеновна? – Она узнала голос, но не поверила себе. – Извините, что беспокою. Это Потапов. Дело у меня важное к вам, а телефон ваш не нашел. У вас не найдется полчасика со мной поговорить?

Он поднимался по лестнице на четвертый этаж довольно долго, но Елена Семеновна, совершенно пораженная его своевременным приходом, была как в столбняке – не успела ничего осмыслить.

Едва войдя, еще в прихожей, Потапов начал опять извиняться.

– Извините, Елена Семеновна, что беспокою... – Он даже руку к сердцу приложил, кланяясь, так неловко ему было.

– Да что вы, Порфирий Петрович, я вам очень рада, вы пришли кстати, как всегда! – прервала Шварц. – Проходите на кухню. Я как раз кофе пью. Сейчас и вам сварю... И даже более чем всегда, – добавила она загадочно, когда гость уже уселся, рассеянно погладил подошедшего кота и воззрился на ее спину: она в это время ставила джезву на конфорку. Он еще не видел ее лица при ярком свете (в прихожей было темновато) и потому не обратил внимания на несколько странное заявление: почему «более чем всегда»?

Поэтому он еще раз погладил вьющегося возле его ног Сэнсэя и, стараясь быть деловым и не отнимать у хозяйки

время, сразу взял быка за рога, стал рассказывать, зачем пришел. Смотрел, правда, когда говорил, вниз, на кота, – стеснялся немного, а кот смущение снимал: энергетика у котов такая.

– Вы, может, еще не в курсе, но тут у вас в доме вчера девушка погибла. Возможно, убийство, а может, и случай. Но обвиняют соседа. А этого соседа, Станислава Зайцева, компьютерщика, мой внук по работе знает. И пришел ко мне утром (внук, конечно), рассказывает, что не верит в его виновность – мол, не мог он... Ну, мог – не мог, тут вопрос сложный. Все могут, я так считаю. Внуку он не то чтобы друг... А все ж попросил меня к Полуэктову сходить – Полуэктов расследует, ты его, дед, знаешь, так, мол, попроси, чтоб разобрался. А что я к Полуэктову пойду – это ж глупо просить, это только непонимающий человек так сказать может... Вот я и решил – самому разобраться вначале, потом уж, если надо, к Анатолию идти. А вы женщина наблюдательная, в доме многих знаете – и про парня этого, Славу Зайцева, может, слышали что, а девушки, что умерла, фамилия Леонова. Леонова Дарья. Не знали такую?

Он поднял глаза от кота на Елену Семеновну.

Она уже стояла к нему лицом, и лицо это было изумленное. Кофе зашипел, выливаясь черным пенистым водопадином из джезвы на конфорку. Потапов раньше, чем хозяйка повернулась, подскочил, газ выключил.

А Елена Семеновна, вместо того чтобы плиту вытирать,

села к столу и заплакала.

Глава 7. Разочарование

Разочарование в семейной жизни началось весной 1837-го, через два года после женитьбы. Оказывается, Марья Петровна не понимала его! Сама-то она была плохая музыкантша и не понимала, что ему требуется вдохновение. Еще год назад она заболела. До того болел только он. А тут заболела тяжело воспалением легких... Доставила ему много волнений. После болезни стала нервной, он ее очень жалел, в письмах называл «бедная моя Машенька». Однако дома начались ссоры. Впервые безобразная сцена разыгралась весной 1837-го. Мари вместе со своей матерью захотела съездить навестить старшую сестру – Софью Стунееву.

Теща Глинки, Луиза Карловна, жила с ними, в его съёмной квартире. Таково было желание Мари, и Михаил, в ту пору еще очарованный женой, не стал возражать. В период ссор совместное проживание немало им способствовало: теща принимала в них активнейшее участие.

В тот раз, заботясь о здоровье Мари, Мишель возразил: не стоит ехать – погода ветреная, легко простудиться. Ведь Мари была еще слаба! Но она стала нервно возражать, мать горячо поддержала ее, у Мари началась истерика, было много слез... Пустяковая причина вызвала крупную ссору, которая и после не забылась.

Впрочем, в ту пору они еще сохраняли внешние приличия,

Марья Петровна еще хотела угодить мужу, поддержать его. Побывав на светских балах, она решила, что положение ее мужа обязывает организовывать званые светские вечера у себя на квартире. Они стали собирать по четвергам большое общество. Кроме приятелей и родных, приходили артисты и литераторы. Угощали чаем с сухариками, крендельками, десертами. Вечера были интеллектуально-художественные: в карты не играли, не танцевали, а только пели. Это был исключительно музыкальный салон, отражавший вкусы и пристрастия композитора. Часто он составлял, импровизируя, новые ансамбли из присутствующих: выбирал какую-нибудь песню, делал переложения на несколько голосов, раздавал гостям партии – и сразу пение шло отлично, потому что и гости обладали хорошими музыкальными способностями.

Однако друзьям Глинки по литературным салонам «четверги» казались скучными. Они отмечали красоту Марии Петровны на этих приемах, но даже в похвалах звучало осуждение: «Хозяйка миловидная, но в обществе не было связи» (Соллогуб); «Разряжена, расчесана блистательно» (Кукольник). Друзья считали, что Глинка напрасно тратит деньги на музыкальные вечера. Им не нравились его жена и его дом.

Внешне все оставалось в рамках приличий, они вместе выезжали на балы. Однако, как позже признавался Глинка, «дома было гадко», и он стал реже там бывать. Много вре-

мени он проводил в салонах своих друзей. Композитор находил вдохновение в мимолетных увлечениях, которым он предавался, по-видимому, без всякого чувства вины. Так поступали многие его знакомые. В свете не порицалось внимание женатых мужчин к красивым женщинам, за ними дозволялось «волочиться». Мари до поры до времени относилась к этому терпеливо, но недовольство мужем зрело.

Разладу между супругами сильно способствовала постоянная нехватка денег. И это при том, что получаемое содержание было значительно выше среднего для дворян, проживающих в Петербурге! Как и надеялась Луиза Карловна, Глинка устроился на службу. В течение двух лет он занимал должность капельмейстера в придворной капелле. Ему полагалась бесплатная квартира с оплаченными государством дровами и хорошее жалованье. Мать ежегодно присылала из доходов от имения семь тысяч – более чем достаточная сумма для проживания. Но им не хватало!

Глинка постоянно упрекал жену в неумении вести хозяйство. Она и впрямь любила наряды, любила покупать дорогие вещицы для дома... Но пример этому подавал сам Мишель! Современники вспоминают, что он постоянно «сорил» деньгами, любил делать подарки понравившимся девушкам... О нет, композитор не являлся далеким от жизни гением! Несмотря на романтическое мироощущение, Глинка хорошо знал цену деньгам. Он, например, всегда находил удобные и бюджетные квартиры, не делал долгов... Но

одежда, экипаж, украшения, подарки – все это покупалось самого высшего качества, все должно было свидетельствовать об аристократизме.

Настоящий дворянин обязан был «потреблять напоказ». Глинка любил красивые и дорогие вещи. Многие запомнили его театральный лорнет: золотой, с инкрустацией из черепашьей кости в виде виолончели, с виньеткой – безумно красивый и дорогой. Жена, значительно младшая по возрасту, брала пример с мужа, не хотела отставать от него – ей тоже требовалось выглядеть аристократично, а для этого нужны были деньги.

Их не хватало! Очень скоро супруги стали упрекать в их отсутствие друг друга. Злоба и обида поселились в их сердцах. Поговорить откровенно, объясниться они не хотели. Прошлое тоже подверглось пересмотру. То, что казалось милой бережливостью, теперь воспринималось как результат необразованности и просто глупости. Показательный случай: на заре их совместной жизни Мари как-то раз посетовала, что Мишель тратит слишком много денег на нотную бумагу. Он тогда был умилен ее бережливостью. По прошествии полутора лет бережливость жены, прежде возводимая в добродетель, казалась уже пороком, и об этом наивном замечании он теперь вспоминал в ссорах, с издевкой и злобой.

К избранницам гениев общество всегда выставляет завышенные требования. Еще до женитьбы многие говорили ему,

что будущая жена недостаточно образованна и даже недостаточно красива, что она недостойна его. Теперь он вспоминал с радостью эти отрицательные отзывы о Мари. Одна известная в свете и уважаемая дама высказалась так: «Мишель Глинка женился на некоей барышне Ивановой, молодой особе без состояния и без образования, совсем не хорошенькой, и которая, в довершение всего, ненавидит музыку». Некогда очарованный Глинка теперь со всем этим соглашался: и необразованная-то у него жена, и не слишком красивая, и музыкантша плохая. «Наше семейное счастье невозможно», – решил он. И, спасаясь от домашних неурядиц, очень много времени стал проводить у поэта, литератора и издателя Нестора Кукольника, подружился с ним. Друг встречал его всегда радостно, жалел.

– Нет тебе семейного счастья. Тебя надо беречь и лелеять. А она – Марья Петровна – злит и поминутно раздражает. Пушкин погиб тоже из-за жены...

И другие, собиравшиеся в салоне Кукольника, видя поникший вид Глинки, советовали разъехаться с женой.

Нестор Кукольник с самого начала знакомства с Глинкой горячо им восторгался.

– Ты будешь у нас музыкальным Рафаэлем! Кто еще знает музыку, как ты?!

Как многие творческие люди, композитор чувствовал потребность в похвале. Кукольник был тоже чувствителен, эмоционален, они хорошо понимали друг друга. К тому же

Нестор отличался веселым нравом и обширными познаниями не только в литературе, но и в музыке (он и сам сочинять пробовал). Нередко он давал дельные советы.

В литературно-музыкальном салоне Кукольника по средам собиралось до пятидесяти человек. К нему приходили литераторы, живописцы, издатели, критики разных уровней и сословий, разных литературных течений и пристрастий. Его кружок называли кружком «артистической богемы». Нравы царили легкие. Под влиянием друзей Глинка удвоил свое внимание к хорошеньким девушкам. Дома он теперь появлялся редко. Не порицались в кружке и возлияния. В свете закрепился образ Глинки – «гуляки праздного». А для слабого, разочаровавшегося человека это был способ сохранить уверенность в себе, чувствовать себя художником, создавать музыку.

Уже под утро Глинка в легком опьянении шел домой. Он был в эйфории от полученных похвал, ему было хорошо. По дороге обдумывал сцены из «Руслана и Людмилы» или музыку к новому романсу. Или в голове кружился вальс. В таком состоянии музыка рождалась особенно легко. Та-ра-ра-там-там! Теперь скрипки зазвучали... А там и флейты тонкий звук!

Улыбаясь и дирижируя свою новую мелодию, Глинка входит в дом. И видит недовольную жену – в его халате, неумытую и непричесанную, с заспанными глазами, в туфлях на босу ногу... «Та-ра-рам...» – тихо, все неувереннее, напева-

ет он Его одухотворенная мелодия не слышна ей! Вместо приветствия жена начинает с ругани, громко всхлипывая и нюхая табак.

Нет, это было зрелище не для эстета, каким являлся Глинка. Что произошло с Мари за эти полтора года? Где очаровательная, ангельской внешности блондинка, приходящая в восторг от его мелодий?! Где нежный голос, где милая улыбка?

Романтическое воображение композитора рисовало образ Наины в его новой опере «Руслан и Людмила». Эта злая волшебница обманула Финна, являясь то в образе юной красавицы, то ведьмы.

Глава 8. Станислав Зайцев. Технологии будущего

Когда уже все было обговорено и кофе выпит (Шварц вместо выкипевшего новый сварила), разработали план действий – хотя бы на первое время.

Нужно было, конечно, со Славиком поговорить. Пусть расскажет подробно, что увидел в Дашиной квартире. Может, он пропустил что-то, когда его допрашивали. И почему зашел, пусть подробнее объяснит. Вообще, в каких отношениях он был с Дашей?

– Нет, у них не было романа, – покачала головой Елена Семеновна. – Я бы знала. Даша рассказывала иногда кое-что. Она со студентом из СмолГУ больше года дружила, да и то не ладилось у них что-то. Парень какой-то... выпендренный уж больно, мне показалось. Даша меня с ним знакомила, давно еще. Не очень он мне понравился, да кому мое мнение нужно.

– Про студента тоже выяснить надо, – кивнул Потапов.

– Это у Иры, подруги ее, надо расспросить, – подхватила Шварц. – Ей она, скорей всего, больше рассказывала.

– Вот. И про Иру тоже узнать надо. – Потапов задумался, потом спросил: – Славик, наверно, сейчас на работе? Внук говорил, что он охранником работает.

– Да, охранником здесь рядом, в Белорусском посольстве. Но он в ночь занят, так что днем обычно дома.

Ключ от подъезда Славика (и Даши) у Елены Семеновны был, но все же она позвонила в домофон – хоть как-то предупредить о приходе.

Поднял трубку домофона сам Славик. Приходу Елены Семеновны (про Потапова она пока не сказала) он не очень удивился.

– Да. Свободен. Заходите, Елена Семеновна, уже открыл. Лестницы в доме были длинные, этажи высокие. На третьем прошли мимо опечатанной квартиры Леоновых (Потапов покосился на дверь, потом на Елену Семеновну и ничего не сказал). На четвертом Славик уже открыл дверь, сам он стоял на пороге, и рядом звонко лаяла маленькая собачка.

Елена Семеновна тоже у Славика никогда не была, просто знала, что он живет на этаж выше Даши. Поэтому квартиру было легко вычислить. Славик ее приходу не удивился, а на Потапова посмотрел вопросительно.

– Это мой друг. Он тоже заинтересован в восстановлении правды. Можно он зайдет вместе со мной? – спросила Шварц. Про внука Потапова они решили пока не говорить.

– Заходите! – Хозяин пошире открыл дверь и отошел в глубь прихожей.

Квартира была, как у Леоновых, двухкомнатная, но очень захламленная, от этого казалась маленькой. В ней жили четверо: Славик с женой и две их маленькие дочери – шесть лет

и четыре года, Шварц их знала с рождения. Девчонки тотчас выбежали навстречу гостям, обе в руках держали по кукле (играли с ними, видно). Маленькая собачка с громким лаем кинулась к ним.

– Катя, Наташа, забирайте Вайта и уходите!

– Папа, а куклы к нему в гости пришли, в его домик, – начала старшая.

– Вот пусть и сидят в домике, беседуют, идите к себе! Придумайте им беседу, – мрачновато ответил папа, и девочки вместе с Вайтом убежали.

– Славик, кто там пришел? – крикнула из кухни жена.

– Это соседка! Насчет Даши расспросить! – ответил так же громко Славик, и почти тотчас встревоженная жена появилась в коридоре. Увидев Елену Семеновну, она немного успокоилась. Они были знакомы.

– Здравствуйте, Олеся! – обратилась к ней Елена Семеновна. – Какое несчастье у нас в доме! А ваш муж – почти свидетель. Мы вот пришли Славу спросить о подробностях, что там в Дашиной квартире было. Знакомьтесь, это Порфирий Петрович – частный сыщик! – кивнула она в сторону своего спутника.

Потапов, услышав такую о себе новость, удивился, но ничего не сказал. А начитанная Олеся на имя обратила внимание, вскинула бровь.

– Порфирий Петрович?! Неужели это настоящее имя или сыщики псевдонимы себе берут? Вы себе выбрали из Досто-

евского? Или, может, вы родственник того Порфирия? Может, это фамильное имя?

Потапов сделал вид, что не заметил издевки в интонации жены подозреваемого (неудивительно, женщина ведь нервничает). От неожиданности он ответил чистую правду:

– Не псевдоним. Возможно, и впрямь родственник.

Скорее всего, Потапов действительно был прямым потомком петербургского сыщика – неужели Достоевский не выдумал? Он сам узнал об этом недавно, когда они вместе с Еленой Семеновной разыскивали дневник Гете. Бывший участковый о таком родстве никому не рассказывал – зачем хвастаться? А тут растерялся, согласился.

– Ну-ну, – ухмыльнулась умная Олеся. – Не буду вам мешать!

И она ушла в кухню. Потапов вздохнул с облегчением.

– Садитесь! – обратился к гостям Славик, проводив их в комнату. – Ох, извините, сейчас уберу.

Комната была загружена беспорядочно разбросанными вещами. Стационарный компьютер стоял в углу, раскрытый ноутбук был брошен на диван, еще один ноутбук стоял на столе. Детские вещи и игрушки лежали на кресле, на диване... Славик сгреб в кучу детские вещи с дивана (под ними обнаружился планшет) и все переложил на кресло. Потапов и Шварц уселись на диван, хозяин, развернув кресло, стоявшее возле компьютера, сел напротив.

– Расскажите Порфирию Петровичу, как вы Дашу нашли

без сознания, – предложила Елена Семеновна.

И Славик повторил тот рассказ, который она уже слышала: как он вчера днем, в двенадцатом часу зашел, чтобы посмотреть по просьбе девушки компьютер, и застал ее крепко спящей на диване, в одежде. Как его смутило, что она не реагирует на громкое мяуканье Сэнсэя, поэтому он пошел за Альбиной Петровной... К удивлению Елены Семеновны, Потапов ничего не стал уточнять, не задавал наводящих вопросов, а заговорил о другом:

– Насколько близко вы знакомы с Дашей?

– Ну, знаком по-соседски... – ответил Славик. – Она младше намного, поэтому в детстве не дружили, она маленькая была. А когда выросла, компьютер завела, тут и я понадобился. Звала меня всегда, если в компьютере неисправность, и все знакомство.

– Знаете ли что-нибудь о ее друзьях? Кто к ней ходит?

Славик задумался.

– Она двоим просила с компом помочь. Девушка, подруга ее, тоже из музучилища... Фамилия интересная – как же... как картон, вроде... Ардон! Ира Ардон. И еще за парня просила... Олег, фамилию не помню.

– Работали вы с их компьютерами?

– Да. К Ире два раза ходил. Она недалеко здесь, на улице Ленина живет. У нее комп стационарный. А Олег ноутбук сюда приносил, я его дома у себя смотрел.

– Кто приходил к Даше в последние дни, не видели? С кем

она в последние дни общалась?

– Нет, видеть не видел. У нее ж квартира этажом ниже. Может, Альбина Петровна видела? А вообще с кем общалась – это же легко узнать: надо телефон ее посмотреть и комп.

– Так ведь опечатано! – вставила Елена Семеновна. – А телефон, кажется, забрали полицейские, они будут смотреть, кому она звонила. Нам вряд ли дадут.

– Насчет телефона я не знаю, а в компе посмотреть могу, – ответил Славик, минуту подумав. – С кем она там общалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.